

Елена К.

**Как я пытался выселить
монстров из спальни, а
они подали на меня в суд.**

Елена К.

**Как я пытался выселить
монстров из спальни, а
они подали на меня в суд.**

*<https://litres.ru/74447033>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Под кроватью живёт монстр. В шкафу притаился ещё один. А на столе восседает кот-инспектор, который проверяет сахарницу и командует всеми. Добро пожаловать в Службу ночных рефлексий — единственную в городе организацию, которая не прогоняет страх, а даёт ему угол, чашку чая и пуговицу на подоконнике.

Это история о том, как монстры перестали пугать и стали нужными. О том, что самая страшная тишина — та, в которой ты один. О коте по имени Василий, который знает: если миска полна, мир держится. О Пухлик, которая шуршит бумагой, потому что не знает, что ещё сделать, но делает от всей души. О Бруксе, который рычит не чтобы напугать, а чтобы сказать: «Тут кто-то большой, и он на твоей стороне».

Для тех, кому бывает тяжело среди обычного дня. Для тех, кому не уснуть. Для всех, кто хотя бы раз просыпался в три ночи и думал: «А вдруг я один?»

Вы не один. И у нас есть печенье.

Содержание

Глава 1. Знакомство с соседями	5
Глава 2. Монстры выходят в люди (ну, почти)	10
Глава 3. Бюрократия страшнее шкафа	18
Глава 4. Проверка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена К.

Как я пытался выселить монстров из спальни, а они подали на меня в суд.

Глава 1. Знакомство с соседями

Я не собирался становиться экспертом по прикроватным монстрам. Я просто хотел нормально выспаться. Но когда в третий раз за неделю просыпаешься от того, что кто-то тянет одеяло, а потом ещё и оставляет на подушке чешуйчатый след, волей-неволей начинаешь разбираться в вопросе.

И да, если вы думаете, что «прикроватные монстры» — это метафора для бессонницы, то у меня для вас плохие новости: метафоры не воруют носки и не устраивают ночные дебаты о смысле жизни прямо у вас над ухом.

Всё началось с тихого шороха. Я лежал, смотрел в потолок и думал: «Наверное, это кот. Или сквозняк. Или я слишком много кофе выпил». Но потом шорох перешёл в отчётливое «кхм-кхм», будто кто-то репетировал речь перед важным собранием.

Я сел, включил ночник и увидел его.

Он сидел на краю кровати, скрестив лапы (или щупальца — тут сложно было разобрать), и смотрел на меня с таким выражением, будто я нарушил какое-то негласное правило — например, «человек обязан спать ровно в 23:00, иначе мы имеем право проводить инструктаж».

— Ты кто такой? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как писк испуганного хомяка.

— Я Грымм, — ответил он, слегка поклонившись. — Ответственный за ночные страхи в радиусе трёх метров. А ты?

— Я... хозяин квартиры, — сказал я, хотя в тот момент в этом были большие сомнения.

Грымм вздохнул, будто услышал что-то очень банальное.

— Хозяин... — протянул он. — Обычно хозяева не пытаются прятать телефон под подушку. Это же первое, что мы проверяем.

Тут из-под кровати высунулась ещё одна голова — маленькая, пушистая, с огромными глазами.

— А я Пухлик, — пропищала она. — Я отвечаю за внезапные кошмары и чувство вины. Приятно познакомиться!

Я моргнул. Потом ещё раз. Потом подумал, что надо бы проверить срок годности витаминов, которые я принимаю.

Оказалось, у прикроватных монстров есть целый свод правил. Грымм торжественно достал из складок своего... ну, назовём это мантией... потрёпанный свиток и начал зачитывать:

— Правило первое: человек должен спать. Если он не спит, мы обязаны предложить ему подумать о всех ошибках, совершённых с 2017 года.

— Это обязательно? — уточнил я.

— Профессиональная этика, — строго ответил Грымм.

Пухлик тем временем уже устроилась на моей подушке и мурлыкала, как неисправный пылесос.

— А ещё мы любим, когда оставляют кусочек печенья, — добавила она. — Это не взятка, это... культурный обмен.

Я посмотрел на них, потом на часы — было три ночи.

— Слушайте, — сказал я. — У меня завтра важная встреча. Можно мы как-нибудь без культурного обмена?

Грымм нахмурился.

— Без обмена нельзя, — заявил он. — Это нарушает баланс ужаса и уюта. А баланс — святое.

На следующий день я пришёл домой с планом. В сумке у меня лежали: пакет кошачьего корма (на всякий случай), блокнот для ведения переговоров и брошюра «Как договориться с тем, чего не должно существовать».

Грымм встретил меня у двери. Вид у него был обиженный.

— Ты не оставил печенье, — укорил он.

— Зато я принёс корм, — возразил я. — И давайте обсудим границы. У меня работа, у вас... ну, ужасы. Мы можем как-то разграничить зоны ответственности?

Пухлик выглянула из-за угла.

— А можно мы будем пугать только по выходным? —

предложила она. — В будни я хочу смотреть сериалы.

Грымм фыркнул.

— Пухлик, ты опять смотришь человеческие драмы! Это подрывает нашу репутацию!

— Но там такие эмоции! — воскликнула она. — Прямо как у нас, только без клыков.

Я вздохнул и сел на кровать.

— Знаете, — сказал я. — Может, мы просто попробуем жить мирно? Вы не пугаете, я оставляю печенье. И все довольны.

Грымм задумался. Потом медленно кивнул.

— Ладно, — произнёс он. — Но, если ты снова спрячешь телефон под подушку, мы будем вынуждены провести внеплановый сеанс рефлексии.

Мир длился ровно три дня. На четвёртый я проснулся от странного звука — будто кто-то печатал на клавиатуре прямо у меня над ухом.

При свете ночника я увидел, что Грымм сидит за моим ноутбуком, а Пухлик листает ленту новостей на телефоне.

— Что вы делаете?! — в ужасе воскликнул я.

— Изучаем человеческую культуру, — невозмутимо ответил Грымм. — Оказывается, ваши страхи теперь живут в интернете. Это... впечатляет.

Пухлик хихикнула.

— А ещё тут есть котики! — радостно сообщила она. — Теперь я понимаю, почему ты так долго на них смотришь.

Я закрыл лицо руками.

— Пожалуйста, скажите, что вы ничего не лайкали.

Грымм поднял на меня честные глаза.

— Мы только подписались на пару каналов про апокалипсис. Для профессионального роста.

Прошло полгода. Теперь у меня на тумбочке всегда лежит печенье, Грымм помогает мне бороться с прокрастинацией (способом «а представь, что это конец света, и надо срочно доделать отчёт»), а Пухлик иногда будит меня, если я слишком долго смотрю в одну точку и бормочу что-то про дедлайны.

Иногда я думаю, что, может, все эти «ночные страхи» — просто кто-то, кому одиноко и хочется, чтобы рядом был человек. Даже если этот человек сначала пытается их выселить.

А когда друзья спрашивают, почему я такой спокойный, я просто улыбаюсь и говорю:

— У меня есть команда поддержки. Правда, она появляется только ночью. И иногда ворует носки. Но это мелочи.

Глава 2. Монстры выходят в люди (ну, почти)

Однажды утром я проснулся и понял: что-то не так. В комнате было подозрительно тихо. Ни шорохов, ни тяжёлых вздохов, ни попыток подсунуть мне под нос старый чек, чтобы я вспомнил все свои финансовые промахи.

Я заглянул под кровать. Пусто. На тумбочке — ни следа чешуи. Даже носок, который Пухлик вечно таскала «на удачу», лежал на месте.

— Грымм? Пухлик? — позвал я неуверенно. — Это не розыгрыш? Если это розыгрыш, то он слишком реалистичный.

Тишина. Только кот, который до этого мирно спал в углу, посмотрел на меня с таким видом, будто знал что-то, чего не знал я. И явно не собирался делиться.

Через час я нашёл записку. Нацарапана когтем на обратной стороне чека из магазина. Текст был лаконичный:

«Ушли на повышение квалификации. Вернёмся к полуночи. Не скучай. И оставь печенье — в дороге проголодаемся».

Подпись: Грымм (и рядом сердечко, которое явно рисовала Пухлик).

Я сел на кровать и задумался. Повышение квалификации у прикроватных монстров? Что это вообще значит? Курсы

по «Эффективному нагнетанию атмосферы»? Вебинар «Как добиться максимального эффекта от скрипа половиц»? Или, не дай бог, стажировка у монстров из-под чужой кровати, которые славятся своим радикализмом: они не просто пугают — они заставляют людей пересматривать жизненные приоритеты прямо посреди ночи.

День тянулся мучительно долго. Я пытался работать, но каждый раз, когда в коридоре раздавался какой-нибудь звук, я вздрагивал и думал: «А вдруг это они? А вдруг они вернулись и теперь умеют делать так, что даже тишина пугает?»

К вечеру я сдался и купил три пачки печенья. Просто на всякий случай.

Ровно в полночь раздался стук. Не громкий, но очень выразительный — будто кто-то стучал не кулаком, а специально подобранным по тону когтем, чтобы создать нужное настроение.

Я открыл дверь (да, я теперь открываю дверь в полночь, потому что логика в моём доме давно переехала на соседнюю полку). На пороге стояли Грымм и Пухлик. Но какие-то... другие.

Грымм был в новом плаще — чёрном, с капюшоном, который драпировался так, что создавал сразу три тени. Пухлик держала в лапках маленький блокнот и выглядела до смешного серьёзной.

— Мы прошли курс, — торжественно объявил Грымм. — «Современный страх: от скрипучей двери к экзистенциаль-

ному кризису».

Пухлик кивнула.

— И ещё мастер-класс по работе с тревожностью, — добавила она. — Теперь мы не просто пугаем, мы помогаем осознать глубинные страхи. Это очень ответственно!

Я попятился.

— Стоп, — сказал я. — Вы что, теперь будете проводить со мной терапевтические сеансы посреди ночи?

— Ну, если ты настаиваешь на том, чтобы называть это «сеансами»... — Грымм слегка наклонил голову. — Но мы предпочитаем термин «вечер рефлексии».

Пухлик уже устроилась на кровати и листала свой блокнот.

— Так, — сказала она, водя коготком по строчкам. — Сегодня у нас тема: «Страх не успеть всё». Начнём с простого: сколько дел ты не сделал за сегодня?

Я замер.

— Э-э... — протянул я. — Может, сначала расскажете, как прошла стажировка?

Грымм вздохнул, будто ему приходилось постоянно сталкиваться с человеческой неготовностью к правде.

— Стажировка была интенсивной, — произнёс он. — Нас учили, что настоящий ужас — это не монстры под кроватью, а осознание, что ты опять не успел сделать то, что планировал в январе.

Пухлик подняла глаза.

— А ещё нам показали, как правильно смотреть в глаза человеку, чтобы он сразу вспомнил про все свои долги, — добавила она с восторгом. — Хочешь, покажу?

— Нет! — слишком громко воскликнул я. — То есть... спасибо, но давай без этого. Может, лучше просто посидим, поедим печенье и посмотрим какой-нибудь глупый сериал?

Грымм помолчал, потом медленно снял свой пафосный плащ и положил его на стул.

— Знаешь, — сказал он неожиданно мягко, — иногда самый страшный звук — это не скрип половиц, а тишина, когда никто не зовёт тебя подумать о своих ошибках.

Пухлик тут же подлезла ко мне и уткнулась пушистой головой в бок.

— Мы скучали, — призналась она. — Без тебя тут было слишком спокойно. А спокойствие — это подозрительно.

Я улыбнулся и протянул им печенье.

На следующую ночь всё шло хорошо: мы ели печенье, Пухлик хихикала над мемами, а Грымм пытался понять, почему люди смеются над картинками с котами в шляпах. Но тут раздался новый звук — не из-под кровати, а откуда-то из шкафа.

Сначала это был тихий скрежет. Потом — тяжёлое, размеренное дыхание, от которого даже воздух в комнате будто стал гуще.

Из шкафа медленно выдвинулась фигура. Высокая, угловатая, с глазами, которые светились тусклым красным све-

том.

— Кто посмел нарушить тишину этого дома? — прогремел голос, от которого у меня волосы встали дыбом. Даже те, что обычно не встают.

Грымм тут же расправил плечи и встал передо мной, будто собирался защищать мою психику ценой собственной чести.

— Это моя территория, — твёрдо сказал он. — И мой человек.

Незнакомец прищурился.

— Твой человек? — переспросил он с насмешливой интонацией. — Да он даже не боится, когда ты шуршишь пакетом! Это не работа, это хобби!

Пухлик выглянула из-за моей спины.

— Эй, — пискнула она. — Мы тут не просто шуршим! Мы... мы помогаем ему осознавать свои страхи!

Незнакомец фыркнул.

— Осознавать? — повторил он. — В моё время мы просто выпрыгивали из темноты и рычали. И этого хватало!

Грымм покраснел (насколько монстр вообще может покраснеть).

— Времена меняются, — возразил он. — Современный человек боится не темноты, а того, что не успеет сдать отчёт. Это тонкий страх, его надо подавать деликатно.

— Деликатно?! — возмутился незнакомец. — Да я в девяностые так скрипел половицами, что люди сами себе ипо-

теку брали от ужаса!

Я осторожно поднял руку.

— Может, хватит спорить? — предложил я. — Давайте лучше все вместе поедим печенья. У меня как раз есть шоколадное.

Все трое уставились на меня. Грымм — с облегчением, Пухлик — с надеждой, незнакомец — с подозрением, будто я пытался подкупить его самым коварным способом.

— Шоколадное? — переспросил незнакомец уже не так грозно.

— С кусочками шоколада, — подтвердил я. — И, возможно, с крошками совести, но это не точно.

Он помолчал, потом медленно кивнул.

— Ладно, — буркнул он. — Но я всё равно считаю, что рык эффективнее.

Так в нашей компании появился третий монстр — Брукс. Бывший легенда ночных страхов, а теперь... ну, скажем так, он пытался привыкнуть к новым временам.

Дни шли, и я начал замечать странные вещи. Мои дедлайны вдруг стали сдаваться вовремя. Тревога, которая раньше накатывала волнами, теперь будто бы оседала где-то на уровне шкафа — и Брукс, кажется, действительно брал её на себя.

Однажды вечером, когда я сидел над сложным отчётом и чувствовал, как паника подступает к горлу, Брукс тихо вышел из шкафа, сел рядом и просто... зарычал. Не громко, не угрожающе, а так, будто говорил: «Я здесь. Пусть мир ру-

шится, но я буду рычать, пока ты пишешь».

И знаете что? Это сработало. Паника отступила, будто испугалась его баса.

Пухлик тем временем завела «Дневник маленьких радостей» и каждый вечер заставляла меня записывать туда хотя бы одну хорошую вещь, которая случилась за день. Даже если это было просто «кофе оказался не холодным».

А Грымм теперь составлял для меня «План по борьбе с экзистенциальным ужасом» — и в нём были пункты вроде «10 минут ничего не делать и просто дышать» и «погладить кота — это снижает уровень тревоги на 37% (по нашим расчётам)».

Иногда я ловил себя на мысли, что эти монстры, которые когда-то казались воплощением всех моих ночных страхов, теперь стали чем-то вроде... семьи. Странной, шумной, вечно требующей печенья, но своей.

Однажды я пришёл домой и увидел на двери наклейку. Яркую, блестящую, явно купленную в каком-то сомнительном интернет-магазине. На ней было написано:

«Здесь живут люди и их официальные хранители ночных страхов. Просьба не беспокоить после 23:00 — идёт сеанс рефлексии».

Под наклейкой лежала записка от Грымма:

«Я подумал, что если мы теперь не просто монстры, а... ну, вроде как команда поддержки, то нам нужен статус. И логотип. Логотип я ещё дорабатываю».

Я улыбнулся, открыл дверь и зашёл внутрь. Из комнаты тут же донеслось:

— Ты принёс печенье? — это Пухлик.

— Не забудь оставить место для размышлений, — это Грымм.

— Я готов рыкнуть по первому требованию, — это Брукс.

И я понял: да, мой дом теперь немного странный. Но зато в нём больше нет места одинокому страху — потому что страх тут теперь работает на меня. Ну, или хотя бы ест моё печенье и смотрит со мной сериалы.

Глава 3. Бюрократия страшнее шкафа

Идея Грымма была простой: если они теперь не просто пугают, а «помогают осознавать страхи», то надо это узаконить.

— Статус придаёт вес, — говорил он, расхаживая по комнате и постукивая когтем по стопке распечатанных бланков. — Когда к тебе приходит монстр с печатью, человек сразу понимает: тут не шутки. Тут экзистенциальный кризис по расписанию.

Пухлик радостно подкидывала в воздух конфетти из обрывков старых страхов (на деле — из клочка газеты, но выглядело эффектно).

— Мы будем как скорая помощь! Только для тревожности! — щебетала она. — «Служба ночных рефлексий»! Или «Экстренная линия по работе с чувством вины»!

Брукс скептически косился на всё это.

— Я просто хочу рычать, — бурчал он. — Зачем мне лицензия?

— Потому что без лицензии нам не дадут табличку на дверь, — терпеливо объяснял Грымм. — А без таблички нас не будут уважать.

Я сидел на стуле и чувствовал, как моя жизнь всё сильнее

напоминает абсурдный сериал, где я — единственный зритель без права голоса.

— Ладно, — вздохнул я. — Но давайте хотя бы без «экстренной линии». У меня и так телефон вибрирует каждые пять минут.

Мы заполнили форму «Регистрация некоммерческой организации по работе с ночными переживаниями». В графе «Цель деятельности» Грымм написал: «Помогать людям бороться осознанно». В графе «Целевая аудитория» Пухлик дописала от себя: «Те, кто просыпается в 3:03 и сразу думает про все свои долги».

Когда я отправил заявку через портал госуслуг, система выдала ошибку: «Некорректный тип заявителя: сущности категории прикроватный монстр не зарегистрированы в классификаторе».

Грымм уставился на экран так, будто мог взглядом заставить бюрократию подчиниться.

— Это дискриминация по признаку чешуи, — мрачно произнёс он.

В тот же вечер, пока мы пытались придумать, как обойти классификатор, в дело вмешался кот.

Его звали Василий, и он считал, что ночные страхи — это его епархия. Не в смысле «пугать», а в смысле «следить, чтобы никто не нарушал тишину и не ел печенье без спроса».

Василий вошёл в комнату с видом главнокомандующего, сел посередине и уставился на монстров. Его хвост ходил ту-

да-сюда, как маятник судьбы.

— Кто тут шумит? — спросил он, не открывая рта. (У котов это получается. Это отдельный вид магии.)

Пухлик подпрыгнула.

— Ой! А я думала, ты спишь!

— Я всегда начеку, — процедил Василий. — Особенно когда кто-то пытается повесить табличку на мою территорию.

Грымм выпрямился.

— Твоя территория? Мы тут веками сидели под кроватью!

— Под кроватью — да, — спокойно ответил кот. — Но на тумбочке, на подоконнике и в радиусе полуметра от миски — это моё. А табличка будет висеть на двери, то есть в стратегической зоне. Значит, согласование со мной обязательно.

Брукс фыркнул.

— С котом? Серьёзно?

Василий медленно повернул голову. Один взгляд — и Брукс как-то сразу стал меньше.

— Серьёзнее некуда, — сказал кот. — У меня тут система баланса. Ты рычишь — я контролирую. Ты пугаешь — я слежу, чтобы не переборщили. Это симбиоз. А не конкуренция.

Я сел на край кровати и понял: я единственный, кто не может ничего решить, потому что у меня нет ни когтей, ни лицензии, ни авторитета «главного по миске».

— Может, мы просто... поделим обязанности? — предложил я. — Монстры занимаются осознанными страхами, а

кот — контролем тишины и распределением печенья?

Грымм задумался.

— Звучит разумно, — признал он. — Но табличка всё равно нужна.

Василий прищурился.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я не против таблички. Но на ней должно быть написано: «Охраняется котом Василием. Монстры — по согласованию».

Пухлик хихикнула.

— Мне нравится! — воскликнула она. — Это так... официально!

Брукс закатил глаза, но промолчал. Видимо, понял, что с котом спорить — себе дороже.

На следующий день пришёл ответ с портала: «Для регистрации требуется подтверждение полномочий от ответственного лица, проживающего по адресу».

То есть от меня.

Я посмотрел на эту строчку, потом на монстров, потом на Василия, который уже устроился на бланке и старательно выводил когтями узоры поверх текста.

— Ну что, — сказал я. — Похоже, мне придётся стать официальным куратором ночных страхов.

Грымм торжественно положил лапу мне на плечо.

— Ты не просто человек, — произнёс он. — Ты — наш связующий мост между миром людей и миром... ну, скажем так, тех, кто помогает людям не сойти с ума от собственных

мыслей.

Пухлик вручила мне маленький значок — самодельный, из крышки от банки и нарисованных фломастером клыков.

— Теперь ты наш координатор, — сказала она. — И, кстати, ты должен первым попробовать новый метод: «Пять минут страха, потом чай».

Брукс хмыкнул.

— А я буду рычать по команде, — добавил он. — Чтобы страх не задерживался дольше положенного.

А Василий, не поднимая головы, пробурчал:

— И чтобы печенье делили честно. Иначе никакой регистрации.

Я улыбнулся.

— Договорились, — сказал я. — Только давайте без апокалипсиса. Хотя бы до выходных.

Через неделю на двери появилась табличка. Не блестящая, не из магазина, а самодельная, с неровными буквами и отпечатком кошачьей лапы в углу:

«Служба ночных рефлексий. Охраняется котом Василием. Монстры — по согласованию. Чай и печенье — в наличии».

И знаешь, что самое странное? С тех пор я стал спать лучше. Не потому, что страхов не было, а потому что теперь я знал: если посреди ночи меня накроет паника, рядом будут те, кто не скажет «не переживай», а просто сядет рядом, рыкнет, хихикнет, посмотрит строго — и даст печенье.

Иногда этого достаточно.

Глава 4. Проверка

Воскресенье. Я спал. Впервые за долгое время — крепко, без внезапных сеансов рефлексии и рычания в ухо. И именно поэтому всё пошло не так.

В десять утра раздался звонок в дверь. Не в обычный, а в тот самый, который издаёт звук, будто кто-то бьёт в церковный колокол размером с мизинец. Это означало, что звонит не почтальон и не соседка за солью. Это означает, что пришла официальная делегация.

Грымм первым почувствовал неладное. Он высунулся из-под кровати, понюхал воздух и побледнел (учитывая, что он и так серо-зелёный, это было впечатляюще).

— Это они, — прошептал он.

— Кто — они? — не понял я, натягивая тапки.

— Надзор. Надзор за паранормальной активностью.

Пухлик в ужасе спряталась за подушку. Даже Брукс, обычно невозмутимый, выглянул из шкафа с таким видом, будто у него попросили паспорт.

Я открыл дверь.

На пороге стояла женщина. Невысокая, в строгом сером костюме, с папкой, на которой было золотом вытиснено: «НПА. Надзор за паранормальной активностью. Отдел инспекций малого и среднего ужаса».

— Доброе утро, — сказала она тоном, от которого даже

смелый человек вдруг вспоминает, что не подал декларацию три года назад. — Инспектор Кравцова. Мы получили заявку на регистрацию... — она заглянула в папку, — «Службы ночных рефлексий». Подтверждаете?

— Э-э... — сказал я, потому что в присутствии инспекторов все люди начинают предложения с «э-э», это закон. — Подтверждаю?

— Хорошо, — Кравцова прошла мимо меня, будто я был частью интерьера. — Тогда начнём. Где подопечные?

Грымм торжественно вышел из-под кровати, вытянулся по струнке и попытался выглядеть профессионально. Пухлик выкатилась из-за подушки, споткнулась о край одеяла и плюхнулась на пол, но тут же вскочила и улыбнулась так широко, что стало неловко. Брукс вышел из шкафа последним, скрестил руки на груди и посмотрел на инспектора с вызовом.

Кравцова оглядела их, открыла папку и достала чек-лист толщиной с кирпич.

— Итак, — произнесла она. — Проверка по сорока семи пунктам. Первое: наличие лицензии на нагнетание атмосферы. Второе: сертификат о прохождении курсов «Этика ночного ужаса». Третье: справка о прививках от чрезмерного ужаса.

— От чего? — переспросил Брукс.

— От чрезмерного ужаса, — повторила Кравцова, не моргнув. — Согласно постановлению 1138-бис, каждый при-

кроватьный монстр обязан быть привит от неконтролируемого нагнетания страха, превышающего допустимый уровень по ГОСТу.

Пухлик моргнула.

— А у нас есть ГОСТ на ужас? — шёпотом спросила она у Грымма.

— Очевидно, есть, — так же шёпотом ответил он.

Кравцова продолжала:

— Четвёртое: журнал учёта ночных пробуждений подопечного. Пятое: план эвакуации на случай, если страх выйдет из-под контроля. Шестое: согласование с домашним животным, проживающим на территории.

И тут в комнату вошёл Василий. Медленно, с достоинством, будто знал, что его момент настал. Он сел напротив инспектора и посмотрел на неё взглядом, который говорил: «Я тут главный, и, если вам кто-то нужен для согласования — я к вашим услугам, но недёшево».

Кравцова посмотрела на кота. Кот посмотрел на инспектора. Воздух в комнате стал гуще, чем атмосфера, которую Грымм нагнетал на курсах.

— Это домашнее животное? — уточнила Кравцова.

— Это Василий, — сказал я. — Он... ну... живёт тут.

— Живёт, — эхом отозвался кот, и все поняли, что слово «живёт» в его исполнении означает «царствует».

Кравцова кивнула и сделала пометку в чек-листе.

— Согласование с животным — обязательно, — сказала

она. — Подпишите, пожалуйста, вот здесь.

И протянула Василию документ. Тот посмотрел, понюхал, аккуратно поставил лапу в квадратик «Подпись ответственного животного» и отвернулся, как будто ничего не произошло.

Пухлик была в восторге. Брукс был в шоке. Грымм записывал в свой блокнот: «Учиться у кота. Авторитет — всё».

Кравцова ушла, пообещав вернуться через неделю для повторной проверки. На столе остался лист с сорока семью пунктами, из которых мы прошли три: согласование с котом (Василий сам себя согласовал), наличие помещения (очевидно, квартира) и наличие подопечного (я, хоть и не просился).

Остальные сорок четыре пункта висели над нами, как грозовая туча.

Грымм был подавлен. Он сидел на краю кровати и перебирал когтями страницы чек-листа, бормоча:

— Журнал учёта пробуждений... план эвакуации... справка о прививках...

— Полгода, — машинально поправил я.

— Полгода, — кивнул Грымм, не услышав разницы.

Брукс просто злился.

— Я триста лет пугал людей без всяких бумажек! — рычал он. — И вдруг какой-то ГОСТ! С каких пор ужас лицензируется?!

— С тех пор, как цивилизация дошла до монстров, — невозмутимо ответил Василий, который в этот момент сидел

на чек-листе, как на троне. — Привыкай. Теперь ты — официальная сущность. А официальная сущность без справки — это просто сквозняк с амбициями.

Брукс оскалился, но промолчал. С Василием спорить мог только очень безрассудный монстр, а Брукс, несмотря на трёхсотлетний стаж, безрассудным не был.

И тут Василий сделал то, чего никто не ожидал. Он встал, подошёл к чек-листу, прошёлся по нему лапой, оставляя следы на ключевых пунктах, и объявил:

— Я назначаю себя главным инспектором от лица домашнего животного. Кто против?

Тишина.

— Кто за? — спросил он.

Тишина.

— Единогласно, — констатировал Василий и сел обратно.

С этого момента всё изменилось. Василий стал тем, кого в корпоративном мире называют «комплаенс-офицером», а в нашем мире — «кот, который теперь командует ещё больше».

Первым делом он потребовал у каждого монстра справку о прививках от чрезмерного ужаса.

— Что это вообще значит? — возмутился Грымм. — Меня никто не прививал! Я и есть источник ужаса!

— Именно, — ответил Василий, не отрывая взгляда от документа. — Поэтому прививка особенно необходима. Допустимый уровень страха для прикроватного монстра кате-

гории «Б» (бытовое нагнетание) — 4,2 единицы по шкале НПА. У тебя, по моим наблюдениям, — 7. Это перебор.

— Семь?! — возмутился Грымм. — Я даже не старался! Это был обычный вечер!

— Вот именно, — Василий прищурился. — Если ты случайно выдаёшь семь, что будет, если ты постараться?

Грымм открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Потом посмотрел на меня с мольбой.

— Скажи ему, — попросил он. — Скажи, что я не перебарщиваю.

Я посмотрел на Грымма. Потом на Василия. Потом на чек-лист.

— Ну... — начал я, и Грымм понял, что я не на его стороне. — Был тот случай, когда ты так посмотрел на меня, что я три дня не мог смотреть в зеркало. Это, наверное, больше четырёх.

Грымм обмяк.

Пухлик подняла лапку.

— А мне тоже нужна прививка? — робко спросила она. — Я ведь почти не пугаю. Я больше... умиляю.

Василий смерил её взглядом.

— Тебе нужна прививка от избыточного умиления, — заявил он. — Это отдельный пункт. Твоя мимика не соответствует профилю «ночной монстр». Ты больше похожа на плюшевую игрушку, которая по ошибке прошла курсы.

Пухлик надулась, но промолчала. Брукс, наоборот, хмык-

нул.

— А мне? — спросил он с ноткой вызова. — У меня-то точно всё в порядке. Я рычу по классике. Никаких излишеств.

Василий медленно повернул голову и посмотрел на Брукса тем самым взглядом, от которого даже трёхсотлетний монстр из шкафа начинает чувствовать себя неуверенно.

— Ты, — сказал Василий, — на прошлой неделе так рыкнул, что у соседей сверху лопнула банка с огурцами. Это ущерб третьей степени по шкале НПА. Тебе нужна не только прививка, но и штраф. В печенье.

Брукс побледнел. Если бы он был человеком, он бы побледнел так, что просвечивал бы. Но он был монстром, поэтому просто стал каким-то серым и скукожился.

— В печенье? — переспросил он.

— Две пачки, — отрезал Василий. — Шоколадное. С ку-сочками. Не экономь.

Следующие три дня были похожи на подготовку к экзамену, который ты не учил весь семестр, а до сдачи осталось полчаса.

Грымм составил «Журнал учёта ночных пробуждений», в котором аккуратно записывал:

23:45 — подопечный проснулся от кошмара. Уровень страха: 3,8 (допустимый). Меры приняты: рык средней интенсивности, подушка перевернута прохладной стороной. Результат: подопечный уснул. Оценка: хорошо.

02:15 — подопечный проснулся от мысли о налогах. Уровень страха: 5,1 (превышение). Меры приняты: Пухлик посмотрела большими глазами, подопечный улыбнулся и забыл о налогах. Результат: подопечный спит. Оценка: отлично, но страх не по профилю. Передать дело в бухгалтерию (у нас нет бухгалтерии, завести).

Пухлик старательно делала «прививку от избыточного умиления», которая заключалась в том, что она три раза в день пыталась выглядеть страшно. Получалось плохо. Один раз она так старалась, что чихнула, и все расцеловали её от умиления. Василий записал в протокол: «Прививка неэффективна. Рекомендуются принять как данность».

Брукс отрабатывал свой штраф: он купил (то есть я купил, а он выбрал) две пачки шоколадного печенья и торжественно положил их перед Василием. Тот понюхал, кивнул и разрешил ему продолжать рычать, но не громче 6 единиц по шкале НПА.

А я? Я жил. Просто жил, с тремя монстрами, котом-инспектором, журналом пробуждений и запасом печенья, который таял быстрее, чем снег в апреле.

Через неделю Кравцова вернулась. В тот же серый костюм, с той же папкой, но на лице — что-то похожее на любопытство.

— Итак, — сказала она, садясь на единственный стул, который не был занят котом. — Пройдёмся по пунктам.

Василий величественно лежал на столе, хвост свисал, как

печать. Кравцова покосилась на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.